

янтаря доходили до Англии и вызывали там подражания. Качественный характер первобытного обмена остался вне поля зрения Кларка, несомненно, потому, что он вполне удовлетворен своим представлением о нем, как о почти полной аналогии капиталистической торговле.

Последняя глава о передвижениях и транспорте имеет компилятивный характер и ограничена описаниями различных находок.

Книга Кларка чрезвычайно показательна. Мы имеем перед собою археолога, хорошо владеющего материалом и стремящегося перешагнуть рутинный барьер голого вещеведческого анализа, который господствует в буржуазной археологии, пытающегося широко поставить вопросы, создать, как он сам говорит, историю первобытного общества. Но шоры буржуазного антиисторического представления о первобытном обществе, как об обществе, аналогичном капиталистическому, только обладающем неизмеримо более низкой техникой, закрывают Кларку исторический горизонт. Он силен там, где касается частных вопросов хозяйственной деятельности древнего общества, или, точнее, древнего человека, так как он все время имеет в виду индивидуальный, а не общественный труд. Он совершенно беспомощен там, где пытается выяснить общественные отношения между людьми, так как подходит к ним с меркой современного капиталистического общества.

Труд Кларка еще раз подчеркивает, что даже, повидимому, прогрессивный буржуазный ученый, владеющий большим количеством фактического материала и стремящийся добросовестно его интерпретировать, оказывается не в состоянии разрешить основные проблемы истории доклассового общества и принужден останавливаться у порога этой истории, не в силах перешагнуть его.

А. Брюсов

H. BENTSON, Einführung in die alte Geschichte. München, 1949, 185 стр.

Рецензируемая книга относится к распространенному типу пособий, целью которых является ввести читателя в общий круг вопросов древней истории, дать представление о ее источниках и о разработке отдельных проблем. Книга Бенгтсона в некоторой степени должна служить продолжением известной работы «*Einleitung in die Altertumswissenschaft*» под редакцией Герке и Нордена. Бенгтсон, начавший свою научную деятельность в гитлеровское время, рассматривается теперь в Западной Германии как один из ведущих историков античности и как преемник Э. Корнемана. В частности, Бенгтсон редактировал посмертно изданный труд Э. Корнемана «*Weltgeschichte des Mittelmeerraumes von Philipp II von Makedonien bis Muhammed*». Он же является автором вышедшей в 1951 г. «*Griechische Geschichte*»¹ и ряда других появившихся за последнее время трудов.

Рецензируемая книга состоит из восьми небольших глав, к каждой из них приложена библиография. В конце книги дан указатель наиболее важных, по мнению автора, трудов по всем разделам древней истории. В первой главе дается определение территориальных и хронологических рамок древней истории. Вторая глава представляет собой историографический очерк, охватывающий развитие науки от Возрождения до наших дней. В третьей главе излагаются вопросы хронологии, географии, антропологии, на которых, по мнению автора, покоится история, как научная дисциплина. В двух дальнейших главах дается классификация и краткая характеристика важнейших источников для стран Переднего Востока и Средиземноморья. Шестая глава содержит сведения о вспомогательных дисциплинах: эпиграфике, папирологии, пумизматике. В седьмой главе характеризуются смежные науки, прежде всего классическая филология. Наконец, в последней главе указаны основные справочники и периодические издания по древней истории.

¹ Рецензии на эти две книги см. в ВДИ, 1952, № 4 и 1953, № 1.

Под историей древнего мира автор понимает «историю Средиземноморья и прилегающих к нему областей» (стр. 3), ограниченную во времени концом «предистории» и началом средних веков. Другого определения автор не дает. Из этого видно, что Бенгтсон не признает никакого различия между рабовладельческим обществом и последующими обществами. Ни разу на протяжении всего своего труда, имеющего целью дать направление в изучении древней истории, Бенгтсон даже не упоминает о способе производства, слово «рабовладение» попросту не упоминается; в рекомендуемый им довольно большой список литературы не включены работы, трактующие вопросы рабства, в том числе даже общепознанный труд Валлона «Рабство в древности». Преднамеренное игнорирование рабовладения, отрицание его исторической роли свойственно всей современной буржуазной историографии и, в частности, Бенгтсону. Игнорирование теории общественно-экономических формаций лишило Бенгтсона возможности дать четкое определение самого предмета древней истории. Указанная им нижняя хронологическая грань является неопределенной, причем сам Бенгтсон сознает неудовлетворительность своего определения (стр. 4) и отказывается от проведения четкой грани между «предисторией» и собственно историей. Повидимому, он сознает недостаточность излюбленного в буржуазной историографии критерия наличия или отсутствия письменных источников для разграничения «предистории» и истории, заявляя, что исторический период Греции начинается в общем и целом с грани III и II тысячелетия (стр. 4).

Не выдерживает критики и предлагаемая автором верхняя грань древней истории. Под этой гранью понимается «конец античной культуры, конец античного государства, конец античного мышления» (стр. 5). Считая неправильным приурочивать падение античного мира к какому-либо определенному году (325, 410 или 476 гг. н. э.), Бенгтсон говорит об «эластичной границе» между античностью и средневековьем. Эта «эластичная граница» относится, по его мнению, к концу VI и началу VII в. н. э., а в особенности ко времени арабского завоевания, которое, как он заявляет, было «последним крупным ответным движением Востока против Запада, реакцией против продвижения западной эллинистической культуры на Восток» (стр. 5).

Взгляд на арабское завоевание как на конец античности далеко не нов. Он был, как известно, высказан еще Пиренном¹ и подхвачен затем фашистскими учеными, желавшими слять ответственность «со своих предков» — древних германцев за разрушение античной цивилизации. Теперь в Западной Германии под прямым влиянием американской историографии стало особенно модно говорить об «извечной борьбе» Востока и Запада и обвинять в гибели античности «восточные элементы».

В основе этого широко распространенного в современной буржуазной науке взгляда на падение античного мира² лежит империалистический расистский подход к народам Востока, как к народам, способным лишь разрушать культурные ценности, что в корне неверно. В частности, арабы, так же как и другие народы Востока, многое восприняли из античной культуры и создали свою богатую самобытную культуру. В VIII—IX вв., когда уровень культурного развития народов Западной Европы был весьма низок, на арабский язык были переведены труды Аристотеля, Архимеда, Галена и других деятелей античной науки. Мы не говорим уже о том, что сама античная культура выросла в значительной степени под воздействием высоких культур древнего Востока, и сама она была распространена на востоке Европы не в меньшей, а, пожалуй, в большей степени, чем на западе.

Империалистическое отношение к народам Востока сказалось и на определении автором территориальных границ древней истории. Идя по стопам Тегера³ и других

¹ A. Pirronne, Mahomet et Charlemagne, «Revue belge de philologie et de l'histoire», т. I, 1922; Он же, Les villes du moyen âge, Bruxelles, 1926.

² Последняя попытка обосновать эту реакционную концепцию сделана датским ученым А. Ризингом в «Classica et Mediaevalia», III (1952), стр. 87—130.

³ F. Teger, Das Altertum, т. I, München, 1939.

буржуазных историков, Бенгтсон ограничивает территориальные рамки древней истории Средиземноморьем и прилегающими к нему районами. Тем самым вычеркивается из всемирной истории история народов Индии и Китая, умалчивается роль народов Переднего Востока и Причерноморья. Средиземноморье рассматривается Бенгтсоном как перманентный центр культуры древнего мира. Для того чтобы свести концы с концами, автору пришлось отнести к средиземноморским народам даже шумерийцев и аккадян (!). В этом отношении рецензируемая книга стоит вполне на уровне современной геополитики, относящей Турцию к атлантическим державам. Бенгтсон полностью игнорирует историческую роль народов, населявших в древности территорию Советского Союза. Народы Урарту и Средней Азии и труды ученых, разрабатывавших историю этих народов, не упомянуты Бенгтсоном ни одним словом. Притом, включая историю некоторых народов Переднего Востока в историю Средиземноморья, т. е., по определению автора, в древнюю историю, он даже не ставит перед собой вопроса о том, что было общего в их развитии с развитием греко-римского мира.

Современная буржуазная наука всячески пытается замаскировать классовую борьбу и игнорирует ее значение как движущей силы в истории человеческого общества. Характерна в этом отношении и книга Бенгтсона; в ней совершенно умалчивается о каком-либо влиянии или значении классовой борьбы в истории древнего мира.

Идеалистическая, антинаучная сущность взглядов автора ярче всего сказалась на материале историографического очерка, в котором он излагает, с точки зрения филиппици идей, историю науки о древности от Лоренцо Валла до Ростовцева. Историографический очерк дается в абсолютном отрыве от социально-экономической истории Европы, от классовой и политической борьбы, от идейных и философских течений XIX в., от которых, как известно, во многом зависит всякая общественная наука. В этом очерке упомянуто много имен, вплоть до такого «ученого», как Фридрих Вильгельм III. Игнорирование автором марксизма сделало совершенно невозможным для него понимание истории науки о древности. Излагая, например, развитие историографии XIX в., Бенгтсон отмечает наличие в ней модернизаторских тенденций, однако он не в состоянии объяснить, с чем связано появление этих тенденций и чем объясняется их рост в конце XIX и начале XX в. Модернизация истории в целом не осуждается Бенгтсоном; он лишь против «перегибов», которые имеют место в трудах Пёльмана (стр. 17).

В результате проводимой американско-английскими империалистами политики раскола Германии и возрождения фашизма, в Западной Германии вновь оживают реакционные идеи. Амнистируются и берутся на вооружение не только фашистские преступники, но и фашистские идеи. Весьма показательны, что Бенгтсон, уделяющий столь большое внимание истории немецкой науки, «не заметил» господства в ней на протяжении ряда лет фашистских человеконенавистнических идей и не высказал ни одного критического замечания по адресу фашистской историографии в целом. В библиографическом указателе преобладают работы немецких фашистских историков. Учитывая рост антифашистских настроений в Германии, автор заявляет, что он не во всем согласен с фашистскими историками¹, но в то же самое время он «признает их заслуги» и заимствует у них всю их концепцию.

Работа Бенгтсона создает впечатление, что развивали науку о древности почти исключительно немецкие ученые. Во всей книге нет ни одного упоминания о русских ученых, кроме белоэмигранта, реакционного космополита Ростовцева. Бенгтсон умалчивает и о чешском ученом Б. Грозном, заслуги которого в области изучения древнего Востока являются общепризнанными. Даже английским, итальянским и французским исследователям древности, вместе взятым, уделено во много раз меньше места, чем одним немецким ученым.

¹ Так, например, он говорит о «неудачном» названии работы Гельцера «Расовые противоречия, как исторический фактор в войнах Рима с Карфагеном» (стр. 43) и сомневается в существовании «чистых рас» в истории (стр. 43 сл.).

В основе исследования древней истории лежат, по мнению автора, три отрасли знания — хронология, география, антропология. О содержании и методах каждой из этих наук говорится в специальном разделе III главы. В разделе «Хронология» сообщаются данные о календаре древних народов. В разделе «География» разбирается вопрос о влиянии географической среды на ход истории. Так, например, изменения в жизни греков в период эллинизма объясняются тем, что они стали жить в иных климатических условиях. По мнению автора, климат сыграл определенную роль в упадке восточных эллинистических государств и их культуры (стр. 36). Географические условия возводятся в абсолют; автор говорит лишь о влиянии географических условий на человека, совершенно не затрагивая вопроса о влиянии человеческого общества на процессы природы, например, использование разливов Нила для орошения и т. д.

Решающая роль, по мнению Бенгтсона, в общем круге проблем древней истории принадлежит антропологии, которая рассматривается не как вспомогательная наука при изучении истории прошлого, а как основа основ истории. Целью этой «современной науки... является выяснение происхождения homo sapiens и расовых различий» (42 стр.). Для того чтобы у читателя не было сомнений, кому автор обязан применением этой, так сказать, науки к древней истории, Бенгтсон ссылается на ряд работ фашистских ученых. Расизм является характерной чертой концепции Бенгтсона. Он сказался и в умалении роли народов, не принадлежащих к «индогерманской расе», и в подчеркивании так называемых антропологических факторов в истории. Восстановление фашистских «традиций» во всех областях жизни Западной Германии поощряется американо-английскими империалистами, подписанными хозяевами Боннского государства. Характерна в этом отношении оценка, данная книге Бенгтсона в английском журнале «The classical Review» (1950, № 3—4, стр. 124 сл.).

Автор рецензии проф. Кэри считает, что книга Бенгтсона характеризуется «здоровыми суждениями», и лучшей ее частью является глава об антропологии, т. е. именно та часть работы, где наиболее отчетливо выступают расистские тенденции. Характерно, что в этом же номере того же журнала помещена явно издательская рецензия на работу прогрессивного английского историка Томсона «Studies in Ancient Greek Society: the prehistoric Aegean» («Marxus dixit: ita est», стр. 127—129). Обе эти рецензии наиболее ярко показывают направленность современной буржуазной историографии, ее критерии в оценке работ по древней истории. Если автор не стоит на расистских позициях, если он признает марксизм и пытается применять марксистскую методологию к освещению вопросов древней истории, то его взгляды объявляются копированием тех догм, которые господствуют за «железным занавесом». Если же, как, например, Бенгтсон, автор стоит на расистских позициях, если он игнорирует значение всяких экономических факторов, то его суждения объявляются здоровыми, а книга ценной. Вот подлинный, а не выдуманный железный занавес, который пытаются опустить марксисты, боящиеся передовых идей и видящие последнее слово науки в писаниях гитлеровских расистов.

Порочность буржуазной методологии сказалась также на освещении Бенгтсоном вопросов источниковедения. Он дает в книге лишь перечень источников, классифицируя их по чисто внешним признакам, и не в состоянии обнаружить общие и специфические черты в различных исторических трудах греко-римских авторов, не имея никаких принципиальных установок или методов для отбора и освещения исторического материала. Многие вопросы источниковедения, имеющие большое значение для научной критики источников, совсем не нашли отражения в книге Бенгтсона. Так, например, им даже не поставлен вопрос о достоверности речей в произведениях Фукидида, Ливия и других античных историков. Автор не нашел в своей книге места для характеристики такого важнейшего исторического источника, как письма Цицерона. В разделе об эпиграфических источниках мы не найдем даже упоминания о таких важнейших памятниках, как Lex agraria (111 г. до н. э.), Lex Julia Municipalis, эдикт Диоклетиана о ценах и т. д.

Книга Бенгтсона — яркий показатель деградации буржуазной науки и убожества ее исследовательских приемов. Можно полностью согласиться с рецензентом книги Бенгт-

сона в историко-педагогическом журнале, выходящем в Германской Демократической Республике, что труды Моммзена и других крупных немецких историков XIX века стоят на недостижимой высоте по сравнению с работой Бенгтсона и подобными «новейшими исследованиями»¹. Рецензент справедливо указывает также на одну из главных причин низкого научного уровня книги Бенгтсона — отрицание роли экономических факторов, игнорирование рабовладения. Следовало бы только наряду с этим указать на наличие расистских тенденций в рецензируемой книге.

Разгром гитлеровского фашизма Советским Союзом открыл перед немецкой историографией древности широкие возможности свободного научного исследования. Одной из важнейших предисылок успешного изучения исторического прошлого является беспощадная критика всего наследия фашистской лженауки, которая популяризируется Бенгтсоном.

А. И. Немировский

M. LAUNEY, Recherches sur les armées hellénistiques, P., т. I, 1949, XI+624 стр.; т. II, 1950, 625—1315 стр.

Наблюдаемый в буржуазной историографии за последние десятилетия рост интереса к истории эллинизма объясняется рядом моментов. Между ними немалую роль играют культ «сильной личности» — завоевателей типа Александра Македонского и расовые теории, ищущие в эллинизме подтверждения претензий «избранных народов» на мировое господство. После второй мировой войны американско-английские буржуазные историки выдвигают на первый план приписываемый эллинизму космополитизм. В изучении истории эллинизма с особой силой проявляется излюбленная буржуазными, особенно американскими, историками модернизация исторических событий. Разрозненность источников по истории эллинизма используется современными буржуазными учеными для пропаганды исторического нигилизма, отрицания закономерности исторического процесса. Неспособность объяснить истинные, социально-экономические причины происхождения, развития и гибели эллинизма приводит к отказу от обобщений.

Рецензируемая книга представляет собою объемистую двухтомную работу профессора университета в Нанси, члена французской школы в Афинах, М. Лоней, который, по его словам, уже с 1932 г. начал заниматься данной темой. Положительной чертой работы является сводка огромного фактического материала, подобранного из многих палеографических и эпиграфических документов, и наличие хорошего аппарата, позволяющего использовать эту книгу в качестве справочника. Автор заявляет во введении (стр. 6), что он хотел исследовать «военное население» эллинистического мира и показать эллинистическую армию как «элемент общества» (стр. 6). Однако с этой задачей М. Лоней не справился. Это прежде всего фактологическая работа.

Лоней неоднократно говорит, что историк античности является «рабом документации» (стр. 19), и призывает историков опираться лишь на «формальные документы» (стр. 999). Для него руководящим является формально-юридический метод анализа документов и фактов. Отвора на документы — закон работы историка, но Лоней это ведет к формализму, к отказу от широких обобщений и вскрытия коренных причин исторических явлений. Поэтому он явно избегает излагать свои общие взгляды на основные вопросы истории эллинизма. Тем не менее эти взгляды можно проследить по ряду высказываний, особенно в заключении.

В оценке сущности эллинизма Лоней мало оригинален. Он эклектически соединяет взгляды Эд. Мейера, В. Тарна, М. И. Ростовцева, которых он охотно цитирует. В конечном итоге, вслед за Дройзеном, он рассматривает эллинизм как явление

¹ «Geschichte in der Schule», 1950, № 1, стр. 47 сл.